

И.М. Трахтенберг

ГУ «Институт медицины труда
НАМН Украины», г. Киев

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ И ЛЮДЯХ, В НЕМ СОЗИДАВШИХ, – ДАТЬ СВЕТОЙ ПАМЯТИ

Резюме

Очерк посвящен выдающемуся врачу и ученому, многолетнему руководителю терапевтических кафедр Киевского медицинского института, профессору Анатолию Петровичу Пелешуку.

Ключевые слова

А.П. Пелешук, Киевский медицинский институт, история медицины.

«Люди любят вспоминать, очевидно, потому, что на отдалении яснее становится содержание прожитых лет»

К.Г. Паустовский

Минувшее, которое с нами

Этот мой очерк посвящен давнему другу – выходцу из стен нашей Alma mater, врачу, ученому-клиницисту, приверженцу истории медицины Анатолию Пелешуку. Но прежде об одном общем суждении, особо занимающем место в раздумьях моих коллег-ровесников, пребывающих, как и Ваш покорный слуга, во второй половине жизни. Мудрый Ирвин Шоу как-то заметил, что заглядывая в прошлое, мы оставляем за собой счастье или горе, устремляясь к новому счастью или к еще большему горю. И заключил сказанное такими словами: «А пути назад уже нет».

Как верно и как печально сказано писателем о прошлом, которое всегда с нами. Никуда не деться от сознания того, что прожитые годы – далекие и не столь уж далекие – канули в Лету, и пути назад, действительно, нет. Но пока жив человек, пока не иссякла духовная энергия, устремленная к созиданию, творческому поиску, новым свершениям и новым надеждам, память постоянно возвращает нас к пережитому и выстраданному. И не только память, на которую не всегда можно надежно положиться, а и наглядные свидетельства минувших лет. Среди них, прежде всего, личный архив, даже самый скромный. О многом могут напомнить каждому из нас забытые письма, заметки, старые документы, публикации ушедших десятилетий. Вопрос в том, должны ли они всегда оставаться лишь индивидуальным достоянием? Ведь подобные материалы – не просто отзвуки давно минувшей и недавней жизни. Это – прошлое, которое всегда с нами.

Неумолимо течение времени, которое не преодолеешь, не остановишь и не постигнешь в полной мере человеческим сознанием. Ибо невозможно смириться с тем, что столь немного, в сущ-

ности, отведено для жизни человека. Время – это всего лишь миг. Примечательный факт. На вопрос о том, что является наиболее впечатляющим и даже устрашающим для нас в этой жизни, Жерар Филип – популярнейший лицедей Франции – ответил коротко и обреченно: «Время»... Понятно желание «остановить мгновенье», запечатлеть прошлое, возвратиться к минувшим годам поисков, сомнений, творческих успехов и неудач. Возвратиться и к тому, что было запечатлено в печатном слове. Может быть, реализуя подобное стремление и заглядывая в предшествующие годы, мы все же усомнимся в том, что «пути в прошлое нет». Ведь оценить этот путь следует еще и затем, чтобы постичь настоящее, продолжить в нем творить и созидать.

Сказанное в полной мере относится к нашим предшественникам и современникам, к которым принадлежал Анатолий Петрович, памяти которого посвящен этот очерк. А плеяда киевских медиков – его коллег, оставила нам, кроме своего врачебного опыта и научного наследия, одну из славных традиций Киевского медицинского института (ныне – Национального медицинского университета) – сочетание основной профессиональной деятельности с увлечением литературным творчеством.

Примечательно, что когда недавно отмечалось 170-летие КМИ (аббревиатура этого нашего учебного заведения, надеюсь, всем известна), то в юбилейном издании, посвященном этой знаменательной дате, упоминалось много имен из числа столичных медиков-приверженцев указанной традиции, среди которых по праву фигурирует и профессор А.П. Пелешук.

Прежде, чем от этих вступительных страниц перейти собственно к воспоминаниям об Анатолии Петровиче, скажу еще вот о чем. Всех нас, близко его знавших, сопровождают, как впрочем и других коллег, определенные реалии, отражающие будни повседневной жизни. В то же время налицо особенности и черты, отличающие нас – медиков – от представителей других профессий. Это,

© И.М. Трахтенберг

в частности, и специфические задачи самой врачебной специальности, и многолетний прошлый опыт прикладной медицины и медицинской науки, нынешние новшества (во многом весьма неоднозначные), и возникающие новые социально-биологические проблемы, связанные со здоровьем, болезнями, лечением и предупреждением человеческих недугов. Все сказанное выше имеет отношение к имени Анатолия Петровича и во многом было предметом равнодушных обсуждений с ним же нынешних реалий и упований на лучшее будущее. В книге Анатолия Петровича «Спогади кийського професора медицини», подаренной мне с теплой дарственной надписью, встретил авторские биографические повествования о событиях, о людях, об их непростой жизни и перипетиях врачебной деятельности, о других аспектах волнующих нас проблем, которые обсуждались в наших доверительных беседах. Не случайно в упомянутой выше дарственной надписи ее автор начертал такие слова, как «многолетняя дружба», «глубокое уважение и симпатия». Откровение и дружеская доверительность в этих минувших беседах дорогого стоит. В них особое место занимали воспоминания Анатолия Петровича о годах Великой Отечественной войны.

Память настойчиво возвращала нас к годам самого жестокого в истории XX века сражения, унесшего миллионы жизней человечества. Все меньше насчитываем мы сегодня своих сверстников, участвовавших в той страшной войне и связанных с ней событиях, все чаще приходит мысль о том, что их свидетельства о самых неожиданных эпизодах, встречах и неоднозначных впечатлениях минувшего не следует забывать. Анатолий Петрович в самом начале разразившейся войны был направлен врачом в кавалерийскую дивизию Южного фронта. Как я узнал из его рассказа, эта дивизия выступила на фронт в августе 1941 года и должна была, прорвавшись через линию фронта, действовать в тылу врага. Но, вступив в бой с механизированными и пехотными немецкими формированиями и защищая город Днепродзержинск, попала в окружение. У плененного А. Пелешука была контузия, затем лагерь военнопленных, врачебная работа в тюремном лазарете, а потом в инфекционной больнице, где лежали сыпнотифозные больные. С помощью местных подпольщиков новоявленному инфекционисту удалось спасти от дальнейшего пребывания в плену многих бывших бойцов. Тяжелейший и опаснейший его труд завершился тогда тем, что он сам заболел сыпным тифом и чудом выжил. Такова драматическая судьба, выпавшая на долю Анатолия Петровича в страшное лихолетье войны. Об этом он потом рассказал в своей, уже упомянутой выше, книге, о содержании которой еще будет сказано ниже. Согласимся с прозорливым Владимиром Вернадским, заметившим как-то, что настоящее есть закономерное проявление прошлого, как бы далеко от нас оно не отстояло сегодня. Именно

с таких позиций поведу далее повествование о моем давнем старшем друге Анатолии Петровиче. Но прежде хотел бы напомнить читателю, что был он человеком, свято сохранявшем традиции украинской медицинской школы. А традиции эти он почерпнул еще в прежние годы, овладевая знаниями в Киевском медицинском институте тридцатых годов, когда студенты воспитывались на примерах признанных корифеев отечественной медицины, среди которых неизменно и особо значились имена Василия Образцова, Николая Стражеско, Феофила Яновского. Не случайно Анатолием Петровичем была избрана универсальная стезя специалиста-терапевта. И правомерно, что свою репутацию известного клинициста, доктора наук, профессора, он в последующем снижал прежде всего в среде практических врачей и ученых, занимавшихся лечением внутренних болезней. Забегая несколько вперед отмечу, что среди коллег-терапевтов, а также широкого круга пациентов, нуждающихся в его помощи, Анатолий Петрович завоевал признание авторитетнейшего специалиста в области гастроэнтерологии, ревматологических и аллергических заболеваний. Оправданным представляется отметить весомые результаты его клинических наблюдений и научных исследований в области нефрологии, терапии онкологических поражений внутренних органов, а также по изучению ряда аспектов клинической физиологии и фармакологии. Помнится мне и его интерес к проблемам профессиональной патологии, по которым он не раз встречался со специалистами Института медицины труда (в те годы – Института гигиены труда и профзаболеваний). По всем указанным выше направлениям клинической практики и медицинской науки Анатолий Петрович наследовал опыт и традиции своего учителя Вадима Николаевича Иванова – виднейшего украинского терапевта, а также и других ученых-медиков киевской терапевтической школы. Здесь нельзя не подчеркнуть, что наследовал он не только их профессиональные опыт и традиции, но и их духовные, нравственные, гражданские принципы. Не так давно на заседании клуба творческой интеллигенции имени академика Владимира Фролькиса, который вот уже около десяти лет возглавляет Ваш покорный слуга, отмечалось шестидесятилетие со дня драматического события в нашей отечественной истории – так называемого «дела врачей». В основном докладе академика Юрия Ильича Кундиева и в выступлениях тех, принявших участие в его обсуждении, среди которых назову и ученика профессора А.П. Пелешука академика НАМН Украины Любомира Антоновича Пырига, была отмечена, как достойная подражанию позиция Вадима Николаевича Иванова, Евгения Борисовича Букреева и их верного соратника и единомышленника Анатолия Петровича Пелешука. Благородная и совестливая их позиция в отношении инспирированного тогда произвола – судилища над «врачами-убийцами» – состояла в

категорическом неприятии этой зловещей акции-осуждения в коллективах медицинских учреждений, «преступников в белых халатах». Как известно, это обвинение было в последующем опровергнуто как злостное и клеветническое. Кстати, всплывает в памяти одно из тогдашних собраний в медицинском институте, на котором клеймили известных ученых-медиков, арестованных по этому пресловутому «делу». На том давнем собрании присутствовали и Анатолий Петрович, и я, и профессор Лихтенштейн – наш общий друг, которому неожиданно предоставили слово для общественного выступления. Каково же было всеобщее удивление и в то же время молчаливое одобрение многих участников этого собрания, когда в настороженной тишине зала прозвучал тихий, но четкий и выразительный голос Ефрема Лихтенштейна: «А я слова не просил!». Поступок по тем временам не только глубоко совестливый, но и мужественный. Замечу, что в своих воспоминаниях, которые выше уже упоминались, Анатолий Петрович с большим уважением и любовью писал о Ефреме Исааковиче Лихтенштейне. Сошлюсь только на одно место из этих воспоминаний, где Анатолий Петрович поделился своим впечатлением о первой встрече со своим будущим другом на Шестом съезде терапевтов Украины. Он писал о нем, как об эрудированном и популярном терапевте, которого высоко ценил виднейший украинский терапевт академик Владимир Харитонович Василенко, первым учеником которого являлся Лихтенштейн. «Встречи с Ефремом, – писал Анатолий Петрович, – были у меня и моей жены праздником. Задерживались допоздна. Последний раз мы встречались за месяц до его такой ранней и неожиданной смерти». В созданном им курсе профессиональных болезней свято сохраняется память о профессоре Е.И. Лихтенштейне как основателе этого направления в Киевском медицинском институте.

Мемуары – молодому поколению

Когда по предложению моего коллеги по общей Alma mater профессора Анатолия Свинцицкого – верного ученика и соратника нашего героя – я приступил к написанию очерка, то положил на свой письменный стол упомянутую выше мемуарную книгу Анатолия Петровича, а рядом недавнюю публикацию из одного популярного периодического издания медика-литератора Юрия Виленского. Последняя появилась на июльских страницах газеты «День» под названием «Просто добрый, без всяких причин ...» с подзаголовком «100 лет назад, 16 июля 1913 года, в мир пришел замечательный украинский терапевт Анатолий Пелешук». Здесь же была помещена его фотография на фоне книг и рукописей, размещенных на полках книжного шкафа. Смотрю на снимок, где запечатлен Анатолий Петрович, и ясно вижу его знакомый облик, выражение раздумья на лице, мягкую улыбку, внимательный взгляд. Действи-

тельно «добрый человек, без всяких причин...». И еще один штрих, присутствующий в самом начале этой статьи. В своей книге, как отметил Ю.Г. Виленский, Анатолий Петрович поделился с читателями, что его улицей детства была известная киевская улица с притягательным названием «Тургеневская». И нельзя не согласиться с Юрием Григорьевичем, что в облике и поведении профессора А.П. Пелешука виделось что-то действительно тургеневское – мягкое и поэтическое. Здесь напомним читателю, что выше уже упоминал о плеяде киевских медиков, почитавших литературу, в том числе поэзию, и искусство. При этом подчеркивал, что такова была особенность и традиция многих выходцев из стен Киевского медицинского института. А то, что в этой плеяде оправданно значится имя профессора А.П. Пелешука не случайно еще и потому, что как в далекие студенческие годы, так и в более зрелом возрасте клинициста-врачевателя и ученого он не переставал увлекаться творчеством мастеров художественного пера. Вот только две выдержки из его, не раз упомянутой выше, книги воспоминаний (языком оригинала): «Ще у профшколі ми не тільки поглиблено вивчали літературу, а й організували літературний гурток, в який входило понад десяти юнаків і дівчат. Щотижня ми збирались у когось на квартирі і обговорювали твори Ф. Достоєвського, Л. Толстого, А. Чехова, І. Буніна, В. Підмогильного, М. Хвильового, П. Тичини, М. Бажана, С. Скляренка, Е.-М.Ремарка, І. Франка, Т. Мана, К. Гамсуна, Г. Уелса та ін.». Это Анатолий Петрович писал в главе «Школа моя, я ніколи тебе не забуду ...». А в другом очерке «Друзі і колеги», где он тепло поведал о своей дружбе с профессором Е.И. Лихтенштейном, можно прочитать: «Ми обидва захоплювалися Сомерсетом Моємом, Хемінгуєм, Ремарком, Роменом Ролланом, а з вітчизняних авторів – М. Шолоховим, А. Платоновим, Б. Пастернаком, Г. Ахматовою». Как видите, уважаемый читатель, увлеченность Анатолия Петровича художественной литературой, а в более поздние годы, и литературой мемуарной, о которой мы часто с ним беседовали, сохранялась всю его жизнь. И не только сохранялась, но и сказала в том, что его перу принадлежит ряд статей, очерков, эссе, в которых образно повествовалось о жизни, призвании врача, медицинских проблемах деонтологии, этики, истории медицины. В одном из наших разговоров о значимости мемуарных книг и Анатолию Петровичу, и мне вспомнились записки из «Дневника старого врача» нашего выдающегося предшественника и земляка Николая Ивановича Пирогова. Есть в этом дневнике одно место, к которому, как мы оба полагали, следовало прислушаться особо. А сказано Пироговым было следующее: «... издавна принято узнавать о других через других. Мало охотников писать свои автобиографии. Одним целую жизнь некогда, другим вовсе неинтересно, а иногда и зазорно оглядеться на свою жизнь, не хочется вспоминать прошлого; иные – и из самых

мыслящих – полагают, что после действительно писать о себе нечего; все будет передано другими; наконец, многих удерживают страх и разного рода соображения. Разумеется, в наше скептическое время доверие к открытой исповеди еще более утратилось». Помнится мне, что, обсуждая эту запись знаменитого медика, я услышал от Анатолия Петровича о его намерении написать о своей жизни, врачебной деятельности, близких, друзьях, коллегах исповедальную книгу. И это для всех нас оказалось знаменательным событием, когда к девяностолетию со дня своего рождения Анатолий Петрович подарил медицинской общности Украины – коллегам-ветеранам, своим товарищам по годам минувшим, соратникам по годам нынешним – свой мемуарный труд. Особо он был адресован начинающему поколению медиков, молодым врачам и преподавателям, а также широким кругам читателей, интересующихся историей и проблемами медицины. В своем обращении к тем, кто захочет познакомиться с этой книгой, он написал о том, что надеется на ее роль как пропагандиста призыва быть верными врачебному долгу, принципам медицинской этики и деонтологии. И еще выразил надежду, что содержание его воспоминаний поможет и студентам, и преподавателям, и практикующим врачам стать достойными своих учителей как по профессиональным пристрастиям, так и по общекультурному уровню. А также – по славным традициям отечественной терапевтической школы второй половины XX века. Думается мне, что эти надежды автора оправдались в дальнейшем потому, что все, что повествовалось в этих воспоминаниях, было основано на собственном многолетнем и отнюдь не простом опыте врача-гуманиста.

Здесь позволю себе небольшое отступление. Одна из пьес Сэмюэля Беккета – известного ирландского драматурга и писателя – попала в Книгу рекордов Гиннеса как самая короткая в мире пьеса, которая продолжается всего тридцать пять секунд. И называется она «Вздых». В концепции Беккета это и есть человеческая жизнь. Вспышка, вскрик – и молчание. В сущности, этому напоминанию и посвящено все творчество писателя, удостоенного Нобелевской премии. «Человеческая жизнь, как вздох», – как хочется воспротивиться подобной несправедливости. Но безуспешно! Недаром Беккет сетует на человеческое бессилие – все его творчество – это еще и жалоба человека на Бога, и нежелание самого человека принять несправедливость мироустройства. Да, печальные раздумья посещают нас во второй половине жизни. Как часто мы обсуждали эту проблему с Анатолием Петровичем. И оба были единодушны: трудно смириться с сознанием того, что миг, называемый жизнью, в конечном счете оказывается на исходе. Тем более следует стремиться еще многое успеть сделать, незавершенное свершить. Были единодушны и в том, что «на исходе» – спасение в работе.

Обсуждали мы с Анатолием Петровичем и со-

держание одной из обстоятельных бесед с незабвенным академиком Амосовым по этому поводу. В том давнем нашем разговоре Николаем Михайловичем было высказано, как одно из философских, а может быть, и просто житейских напутствий, проверенных годами, что пока жив человек творческого труда, пока не иссякли духовная энергия, устремление к поискам, новым свершениям и новым надеждам, он должен творить и созидать. При этом ценить каждый новый день, как маленькую жизнь, радоваться повседневным делам, заботам, встречам, общению, сознанию того, что еще предстоит сделать, а затем и самому содеянному. Помню и суждение Николая Михайловича о том, что, может быть, ближайшее десятилетие в новом столетии окажется желанной эпохой, когда, наконец, исчезнут одолевавшие нас ранее сомнения и откроется человечеству, что для него самое важное! Но могут ли действительно исчезнуть сомнения, одолевавшие нас ранее, если их не удалось развеять за столько прошедших лет? Мы вспомнили с Анатолием Петровичем давнюю притчу о том, что в человеческой жизни важнее всего. А в притче этой было сказано, что Моисей провозгласил «мысль», Иисус сказал «сострадание», Маркс – «деньги», Фрейд – «секс», а Эйнштейн повторил свое: «Все в жизни относительно». Именно последнее нашло подтверждение в минувшем опыте двадцатого столетия, вместившего в себе столько знаковых событий, потрясений, непредвиденных революционных всплесков, опустошительных противостояний, войн, трагедий. В то же время, в этом минувшем было и много оправдавших себя надежд, счастья и радостей, впечатляющих созидательных деяний, в том числе духовных и творческих.

Воплотились они, в частности, и в печатном слове многих медиков, в литературном их наследии, к которому принадлежат книги, статьи, очерки воспоминаний. Сказанное с полным основанием можно отнести к собственному жизнеописанию профессора А.П. Пелешука – образному, эмоциональному, поучительному, а также к публикациям о нем тех, кто его знал, с ним работал, сотрудничал, общался.

Памятные черты

Читатель, вероятно, уже обратил внимание на то, что такие примечательные для врача качества, как чувство долга, мораль и этика в профессиональной деятельности профессора А.П. Пелешука были органичными и неизменными. В пятидесятые годы, когда я особенно часто встречался с ним на совместном общественном поприще, возглавляя профсоюзный комитет преподавателей КМИ, убеждался в этом неоднократно. Заходя в рабочую комнату комитета на втором этаже старого здания, что на бульваре Шевченко, 13, всегда видел его, внимательно беседующим с посетителем, обратившимся за помощью. Анатолий Петрович совмещал тогда свою основную работу – клиническую и преподавательскую – с

общественной должностью доверенного врача. Преподаватели и их помощники по обеспечению учебного процесса были единодушны в том, что избранный ими уважаемый доверенный врач А.П. Пелешук оказался на редкость чутким, внимательным и доброжелательным. Его поддержкой и помощью пользовались многие, сохраняя на долгие годы об Анатолии Петровиче самое лучшее впечатление и чувство признательности. Такую же репутацию чуткого человека и особо деликатного врача и лектора завоевал Анатолий Петрович в широкой среде студентов разных поколений. Поделюсь с читателем рассказом одного из бывших студентов, слушавших лекции профессора А.П. Пелешука в послевоенные годы. Об эпизоде, который выпускник 108-го выпуска санитарно-гигиенического факультета, на котором преподавали и Анатолий Петрович, и я в пятидесятые годы, в своей трилогии «Из записных книжек и не только ...» я уже писал. Здесь же приведу полностью этот рассказ упомянутого выше моего бывшего студента и тезки Анатолия Петровича доктора Полякова: «В 1950 году в бытность мою студентом третьего курса на занятии по терапии (тогда кафедре возглавлял академик В.Н. Иванов), которое проходило на базе Больницы водников, наш молодой тогда преподаватель А.П. Пелешук (впоследствии известный профессор) перед демонстрацией больного обратился к студентам с просьбой о том, чтобы мы во время демонстрации больного не задавали ему вопросов, несвязанных непосредственно с его болезнью. Больным оказался красивый мужчина средних лет, спортивного телосложения. Историю болезни изложил Анатолий Петрович. Больной молчал. После мы узнали, что наш пациент был военнопленным немцем в чине генерала. С точки зрения медицины, он был обречен. У него обнаружили рак легкого, что подтверждалось рентгеновским снимком, который нам показали. В нашей группе было много фронтовиков, прошедших войну и забывших преступлений гитлеровцев. Поэтому Анатолий Петрович с особым, присущим ему, тактом постарался убедить нас в том, что перед нами не бывший враг, а, прежде всего, больной человек, который нуждается во врачебной помощи. На мой взгляд, это пример гуманизма, интеллигентности и деонтологии Врача с большой буквы».

Комментируя этот эпизод, рассказанный бывшем студентом, я во второй книге своей трилогии писал о том, что и этот, и другие неординарные эпизоды в учебных занятиях послевоенных лет мало кому известны. Между тем было в тот, кажется сегодня, столь далекий период, в лекциях преподавателей института, в их принципах и врачебной этике много поучительного, достойного того, что бы ему следовать и ныне.

«Все проходит»

Так гласит переведенное с латинского утверждение мудрых предшественников. Но при всем

этом остаются заветы и традиции, весьма оправдавшие себя в интересах настоящего и будущего. В свое время с некоторыми из своих сотоварищей по Alma mater, в том числе с Анатолием Петровичем, мы вспоминали, притом не только по фамилии, имени и отчеству, но и по многим эпизодам, облику, повседневным делам заведующих кафедрами института тех далеких пятидесятых годов.

Открылось печальное обстоятельство: из этой славной когорты профессоров, среди которых известные клиницисты: А.П. Крымов, В.Н. Иванов, Б.Н. Маньковский, А.А. Чайка, А.Я. Зюков, Н.И. Ищенко, М.И. Коломийченко, Я.П. Фрумкин, А.А. Айзенберг, А.Ю. Лурье, В.Г. Балабан, Е.Н. Хохол, Я.А. Шварцберг, не менее известные теоретики: Г.В. Фольборт, Н.Н. Сиротинин, А.И. Черкес, С.И. Винокуров, М.С. Спириков, Е.И. Чайка, видные представители профилактической медицины: А.Н. Марзеев, Л.В. Громашевский, Г.Х. Шахбазян, Л.И. Медведь, П.И. Баранник, С.С. Познанский, С.С. Дяченко, ко времени наших воспоминаний оставался – на переломе минувших девяностых и нынешних двухтысячных годов – один Николай Михайлович Амосов. Сейчас, увы и его уже нет...

Прошлое, которое с нами – об этом ранее уже много написано. И я в своих воспоминаниях о минувшем тоже посвятил этой теме немало строк и раздумий. Особенно о том, что же, в сущности, побуждает многих из нас братья за перо мемуариста, чтобы обратиться к минувшему, прожитому и пережитому. Один из уважаемых наших классиков утверждал, что только то в прошлом интересно и заслуживает внимания, что волнует общество сегодня. Возможно, что в этом есть резон, и против подобного утверждения трудно возразить. Но все же можем ли мы отбросить чисто человеческое устремление, индивидуальное желание, совершая экскурс в минувшее, отправиться, по выражению Виктора Некрасова, в путешествие по собственной жизни. И как быть с тем, что мы действительно нередко воскрешаем прошедшее, чтобы оно объяснило настоящее, а, возможно даже, как заметил В. Белинский, «намекнуло нам о нашем будущем». И еще хотелось бы, конечно, уверовать в то, что тому, кто владеет прошлым, принадлежит будущее. А ведь это означает, прежде всего, запечатлеть минувшее на бумаге, вспомнить и поделиться с читателем пережитым, всем тем зыбким и переменчивым, что было, казалось, только вчера. И не только поделиться прошлым, но и соотнести его с реалиями сегодняшнего дня, поразмышлять и над тем, как отзовется оно в грядущем... Еще раз хотел бы напомнить, что действительно, как гласит при переводе с латыни одна из истин, «все проходит». Но добавлю – проходит отнюдь не бесследно. Несмотря на нынешнее – сложное и весьма неоднозначное время, в котором во многом доминирует скептицизм по отношению не только к прошлому, но и к нынешнему, литературное наследие Анатолия Пелешука побуждает нас поразмышлять о

минушем на основе собственного многолетнего опыта, в котором явственно просматриваются черты прошедших и поучительных событий. И еще. По содержанию упомянутые выше мемуары Анатолия Петровича, адресуемые как медикам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей медицины, воспринимаются как интеллектуальное достояние нашего современника, умного врача-ученого, приверженца не только интересов настоящего, но и грядущего. И в завершение своего очерка напомним читателю, что в наступившем новом веке медицинская общественность Украины отметила две юбилейные даты, связанные с нашим родным учебным домом – Национальным медицинским университетом – его сто шестидесятилетие и сто семидесятилетие со дня основания. Когда состоялись эти торжества в моей памяти высветились воспоминания о столетнем юбилее, отмеченном и в суровые военные годы после возвращения из эвакуации в Челябинск преподавателей и студентов. Эта дата праздновалась с опозданием в связи с началом войны и было всем нам не до нее. А вот в первом десятилетии наступившего нового века состоялись не только упомянутые выше памятные торжества, но и было издано ряд книг и опубликованы воспоминания сотрудников университета, приуроченные к этим торжествам. Вышла в свет и книга автора настоящего очерка под названием «Слово об Alma mater». Процитирую пространную выдержку из обращения к читателю, которым открывается книга:

«Упродовж усіх етапів існування і розвитку університету його гордістю і авторитетом були всесвітньо відомі науково-педагогічні школи: хірургічна (М.І. Пирогов, В.О. Караваєв, М.В. Скліфосовський, М.М. Волкович, О.П. Кримов), терапевтична (В.П. Образцов, Ф.Г. Яновський, М.Д. Стражеско), морфологів та фізіологів (М.І. Козлов, О.П. Вальтер, В.О. Беца, П.І. Перемежко), гігієнічна (В.А. Суботін, Л.В. Громашевський, О.М. Марзєєв, Є.Г. Гончарук). Саме ці славетні особистості заклали підвалини сучасних науково-педагогічних напрямів діяльності Національного медичного університету ім. О.О. Богомольця, що став незаперечним лідером вищої медичної школи України. Наші випускники працюють нині в усіх регіонах України і у кожній четвертій країні світу. Сьогодні університет – це дев'ять навчальних корпусів, у яких працюють 11 факультетів, 80 кафедр, близько 1200 викладачів, а ще – 120 клінічних баз на 8,7 тисяч ліжок. Усього за роки свого існування в нашому навчальному закладі

підготовлено понад 80 тисяч лікарів та провізорів.

У цих іменах і цифрах – наша Історія. Проте, на жаль, цей доволі красномовний перелік не містить головного – живих людей з їх неповторними рисами, особливостями, достоїнствами і вадами. Минають роки, все менше лишається серед нас Свідків – людей, які мали щастя вчитися у тих, чії імена стали вже легендою, спілкуватися з ними і могли б поділитися з нами своїми найяскравішими спогадами. І наш обов'язок – зробити усе, аби такі спогади стали надбанням нинішнього і прийдешніх поколінь медиків.

Відомо (і про це також йдеться в книзі), що зі стін нашого університету вийшла гідна подиву плеяда медиків, що яскраво сполучали лікарську діяльність з літературною. Її фундаторами були Михайло Булгаков, Віра Гедройц, Валеріан Захаржевський. А серед їх наслідувачів, які стали авторами художніх творів, поетичних збірок, науково-популярних, автобіографічних та біографічних книжок, публіцистичних нарисів, слід назвати Миколу Амосова, Павла Бейліна, Єфрема Ліхтенштейна, Анатолія Пелешука, Олександра Грандо, Юрія Квітницького-Рижова, Юрія Шаніна, Леоніда Жуковського, Юрія Щербака, Віталія Коротича, Юрія Фурманова, Юрія Віленського, Гелія Аронова, Леоніда Загордонця, Івана Костирю, Євгена Скляренка, Любомира Пирога, Федора Тишка, Надію Гулу, Івана Сахарчука, Юрія Губського, Віктора Шефтеля, Анатолія Зарицького, Аркадія Аніна, Валерію Гуртовенко, Віталія Ковалюка, Леоніда Телічка, Віру Артамонову, Валентину Супоницьку, Лору Завілянську, Селіма Ялкута, Льва Фіалкова, Ісанну Ліхтенштейн, Віталія Цимбалюка. Автор цієї книги за правом посідає у наведеному переліку гідне місце».

Как видите, читатель, и здесь фигурирует светлое имя героя настоящего очерка. А сам он в своей публикации, приуроченной к юбилею и увидевшей свет на страницах «Научного вестника», издаваемого в университете, с волнением поведал о том, ему – Анатолию Пелешуку – отдавшему шестьдесят пять лет Киевскому медицинскому институту, всегда сопутствовали традиции выдающихся украинских медиков, выраженные в призыве «Як найближче до хворої людини». Впечатляющий призыв, повторенный одним из светлых учителей молодого поколения украинских медиков, к которому, убежден, прислушаются его ученики, соратники, нынешние студенты и преподаватели. Пожелаем же всем им успешного врачебного и научного творчества, дальнейших свершений на благо народа и родной страны.

Надійшла до редакції 11.07.2014

MEMORIES ABOUT PAST AND PEOPLE WHO IT CREATED I.M. Trakhtenberg

Summary

The essay is dedicated to the outstanding physician and scientist, long term head of therapeutic departments of Kyiv Medical Institute, Professor Anatoliy P. Peleshchuk.

Keywords: Anatoliy P. Peleshchuk, Kyiv Medical Institute, history of medicine.